

В. Суханов

**О Даре Языков в Древней
Церкви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В. Суханов**
О Даре Языков в Древней Церкви / В. Суханов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 53 с.

ISBN 978-5-517-90866-7

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1914 года

ISBN 978-5-517-90866-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

γλώσσαις), якоже Духъ даяше имъ провѣщавати“ (*ἀποφθέγγεσθαι*,—Дѣян. 2, 4). Позднѣе дарованіемъ языковъ Корнилию и „многимъ собравшимся“ въ домѣ его (10, 44, срв. 27) Св. Духъ указаль, что и язычникамъ должна быть безпрепятственно открыта „дверь вѣры“ (14, 27. 15, 4): „вѣрующіе изъ обрѣзанныхъ, рассказываетъ Дѣеписатель,... изумились, что даръ Св. Духа излился и на язычниковъ, ибо слышали ихъ говорящихъ языками и величающихъ Бога“ (*λαλοῦντων γλώσσαις καὶ μεγαλυνόντων τὸν Θεόν*,—Дѣян. 10 45—46). Еще позднѣе, когда Св. Павелъ крестилъ въ Ефесѣ учениковъ Іоанновыхъ (19, 1—5), даръ языковъ засвидѣтельствовалъ о безконечной разницѣ между крещеніемъ Іоанновымъ и крещеніемъ „во Христа Іисуса“: „когда Павелъ возложилъ на этихъ учениковъ руки, нисшелъ на нихъ Духъ Святый, и они стали говорить языками и пророчествовать“ (*ἐλάλουν τε γλώσσαις καὶ ἐπροφήτεον*,—19, 6). Наконецъ, Ап. Павелъ въ своемъ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ вопросу о дарѣ языковъ посвящаетъ почти цѣлую главу (14, 1—28. 39—40), основная мысль которой та, что даръ языковъ бесполезенъ для „назиданія“ Церкви, если онъ не соединяется съ даромъ истолкованія, и что, слѣдовательно, напрасно, новообращенные коринѣяне, съ дѣтскимъ легкомысліемъ (срв. 1 Кор. 14, 20), предпочитаютъ его дару пророчества. Больше новозавѣтныхъ писаній не упоминаютъ о дарѣ языковъ. Но и указанныя мѣста говорятъ за то, что этотъ даръ не рѣдко посылался вѣрующимъ. Онъ не изсякалъ въ Церкви до дней Иринея Ліонскаго, который пишетъ о себѣ и своихъ современникахъ: (Contr. haer. V, 6, 1. Cfr. Euseb. eccl. hist. V, 7) „мы слышимъ (*ἀκούομεν*) многихъ братьевъ въ Церкви, имѣющихъ пророческія дарованія и чрезъ (Святаго) Духа говорящихъ различными языками (*παντοδαπαῖς λαλοῦντων διὰ τοῦ πνεύματος γλώσσαις*) и для общей пользы выводя-

щихъ наружу сокровенное (*τὰ κρύφια*) людей и изъясняющихъ тайны Божіи (*μυστήρια τοῦ Θεοῦ*)“. Позднѣйшіе церковные писатели не упоминаютъ о глоссолаліи, какъ современномъ имъ явленіи, а Златоустъ, приступая къ объясненію отдѣла о духовныхъ дарованіяхъ (12—14 гл.) въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, замѣчаетъ: „все это мѣсто очень неясно; неясность же производитъ незнаніе и отсутствіе фактовъ, нѣкогда случавшихся, а теперь не встрѣчающихся (*οὐ γινόμενων*)“. Слѣдовательно, въ его время харисмы, въ томъ числѣ и даръ языковъ, уже оскудѣли въ Церкви.

Въ чемъ же состояло явленіе глоссолаліи въ древней Церкви? Разсказъ Св. Луки о событіи въ день Пятидесятницы настолько ясенъ, его выраженіе, что исполнившіеся Св. Духа галилеяне (Дѣян. 2. 7) начали *λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις* (ст. 4) въ связи съ замѣчаніемъ, что слушатели, собравшіеся со всѣхъ странъ тогдашней Римской имперіи (стт. 7—11), слышали „кійждо свой языкъ (*τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ*), въ немже родишася“ (ст. 8) и изумлялись, какъ мы „слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки (*λαλοῦντων αὐτῶν ταῖς ἡμετέραις γλώσσαις*) величія Божія“ (ст. 11),—насколько опредѣленно, что, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній въ пониманіи повѣствованія автора книги Дѣяній. Онъ ясно и опредѣленно описываетъ глоссолалію галилеянъ, какъ даръ глаголанія на иностранныхъ языкахъ, „якоже Духъ даяше имъ (галилеянамъ) провѣщавати“. Даже раціоналисты, напр. Zeller, Spitta, не рѣшались перетолковывать разсказъ св. Луки и лишь отрицаютъ его историческую достовѣрность. Въ двухъ другихъ мѣстахъ книги Дѣяній (10, 46. 19, 6), въ Евангеліи Марка (16, 17) и въ посланіи Ап. Павла (1 Кор. 12—14 гл.) ни однимъ словомъ *прямо* не упоминается объ *иностранномъ* характерѣ языка глоссолаловъ, но *ничто и не*

противорѣчитъ пониманію глоссолаліи именно какъ глаголанія на иностранныхъ языкахъ. Сопоставляя повѣствованіе Дѣяній Апостольскихъ съ ученіемъ Ап. Павла и слѣдуя основному положенію церковнаго экзегезиса: „incerta de certis et obscura de manifestis praejudicari“ (Tertulliani de resurrect. carnis. cap. 21. Cfr. Adv. Prax., cap. 20. De pudic. c. 17), церковное преданіе, поскольку оно записано въ твореніяхъ отцовъ и писателей Церкви,¹⁾ въ Постановленіяхъ Апостольскихъ (VIII, 1), а также въ пѣснопѣніяхъ „святыхъ Пентикѡстіи“, утвердило то пониманіе, что даръ языковъ въ древней Церкви выражался въ глаголаніи на иностранныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ глоссолаламъ языкахъ. Такъ понимаетъ глоссолалію и большинство новѣйшихъ экзегетовъ, въ томъ числѣ всѣ русскіе за исключеніемъ, поскольку намъ извѣстно, о. М. Оивейскаго (срв. еще о. Ил. Гумилевскаго).

Но въ классическомъ мѣстѣ о дарѣ языковъ у Ап. Павла (1 Кор. 12—14 гл.) ничто прямо, ясно и точно не указываетъ на глоссолалію, какъ рѣчь на иностранныхъ языкахъ, и многое, наоборотъ, повидимому, рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ такого представленія о ней, и прежде всего именно то, что Ап. Павелъ не могъ бы, напр., воспользоваться выраженіемъ *γένη φωνῶν* въ смыслѣ „роdi языковъ“ (1 Кор. 14, 10 сл.), какъ аналогіей для дара языковъ, если бы сама глоссолалія, по

¹⁾ Мы разумѣемъ Иринея Лионскаго. Тертуліана, Оригена, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Назіанзіна, Григорія Нисскаго, Златоуста, Іеронима, Августина, Кирилла Александрійскаго, Льва Великаго, Григорія Великаго. Срв. мнѣнія Филастрія, Максіма Турскаго. Выдержки изъ твореній указанныхъ авторовъ собраны, напр., въ сочиненіи Englmann'a Von. den Charismen im Allgemeinen und von dem Sprachen—Charisma im Besonderen. Regensburg. 1848. Ss. 296—302. Также думаютъ блаж. Теодоритъ, Экуменій, блажен. Теофилактъ Болгарскій и др.

его пониманію, и была рѣчью на языкахъ разныхъ народовъ, такъ какъ что могла бы тогда пояснить такая аналогія *idem per idem*? Далѣе, языкъ глоссолала не былъ бы непонятенъ въ томъ случаѣ, если бы за богослуженіемъ присутствовали знающіе другіе языки, между тѣмъ, по словамъ Апостола, всегда былъ необходимъ даръ „истолкованія“, чтобы едѣлать рѣчь глоссолала понятной (1 Кор. 14, 5. 6. 13); *λαλεῖν γλώσσαις*, глаголанію языками у него противопоставляется не рѣчь *ἰδίᾳ διαλέκτῳ*, на родномъ языкѣ, а или рѣчь *ἐν τῷ νοῷ* или понятная рѣчь... Съ другой стороны, возможно оспаривать пониманіе глоссолаліи, какъ глаголанія на разныхъ языкахъ, даже на основаніи текста книги Дѣяній, какую попытку и дѣлаетъ Wendt (срв. Feine). Наконецъ, если даръ языковъ, что утверждаютъ очень часто, сообщалъ *постоянное знаніе* иностранныхъ языковъ, то такому утвержденію противорѣчатъ нѣкоторые историческіе факты, напр.: а) что Апостолы пользовались истолкователями или толмачами (*ἐρμηνευτής*): Петръ—Маркомъ (Euseb. hist. eccles: III, 39; Irenäus Contr. haer. III, 10, 6 и др.), Павелъ—Титомъ (Hieronimi ep. 120 [al. 150] ad Hebidiā, 11); б) что Ап. Павелъ который „болѣе другихъ говорилъ языками“ (1 Кор. 14, 18), однако, не понималъ языка Ликаонцевъ (Дѣян. 14, 11—14); в) что греческій языкъ новозавѣтныхъ писателей содержитъ много гебраизмовъ, слѣдовательно, эти писатели владѣли имъ не въ совершенствѣ.— Всѣ эти сообщенія вызвали обширную литературу о дарѣ языковъ, отголоскомъ которой у насъ является диссертация о. М. Өивейскаго „Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской церкви“ (Москва. 1907) —, вызвали цѣлый рядъ гипотезъ и экзегетическихъ теорій, различно объясняющихъ глоссолалію, но сходящихся въ томъ, что она не была рѣчью на иностранныхъ языкахъ.

II.

Исходный пунктъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ глоссо-
лалическихъ теорій и гипотезъ—терминъ *γλῶσσα*. Даръ
языковъ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ называется неоди-
наково: роды языковъ (*γένη γλωσσῶν*,—1 Кор. 12, 10. 28);
языки (*γλῶσσαι*,—13. 83); говорить языкомъ (*λαλεῖν*
γλώσσῃ,—14, 2, 4 etc.), и это даже о многихъ говорящихъ
(14, 9); говорить языками (*λαλεῖν γλώσσαις*,—12, 30;
13, 1; 14, 5 etc.; Дѣян. 10, 46: 19, 6), даже когда рѣчь
объ одномъ говорящемъ (13, 1. 14, 5 и др.); говорить но-
выми языками (*λαλεῖν καιναῖς γλώσσαις*,—Мрк. 16, 17);
говорить иными языками (*ἐτέραις γλώσσαις λαλεῖν*,—Дѣян.
2, 4). Общее во всѣхъ названіяхъ—терминъ *γλῶσσα*,
который преимущественно имѣетъ три значенія: 1) *γλῶσσα*—
языкъ, какъ членъ тѣла (Мр. 7, 33. Лк. 16, 24. Іак. 3, 5
сл. 8. Апок. 16, 10), органъ рѣчи (Мр. 7, 35. Лк. 1, 64.
Рим. 3, 13; 1 Ю. 3, 18. Дѣян. 2, 26. Іак. 1, 26. 1 Петр.
3, 10. Рим. 14, 11. Фил. 2, 11, срв. Дѣян. 2, 3); 2) метоними-
чески *γλῶσσα* есть то, что мы говоримъ, самая рѣчь, нѣм.
Sprache, какъ средство общенія людей, но такъ какъ у
каждаго народа свой особый *Sprache*, какъ средство та-
кого общенія, то *γλῶσσα* синонимъ съ *διάλεκτος*, т. е.,
со *Sprache*, какъ образомъ выраженія, свойственнымъ
каждому отдѣльному народу. въ смыслѣ языкъ еврейскій,
языкъ греческій и т. д. (Дѣян. 2, 11=2, 6. 8, срв. 1, 19); съ
такимъ значеніемъ *γλῶσσα* встрѣчается у Ксенофонта,
часто у Геродота: гебраизированное *γλῶσσαι* употреб-
ляется какъ синонимъ *ἑθνή, λαοί, ὄχλα, φυλαί* (Апок.
5, 9. 7, 9. 10, 11. 11, 9. 13, 7. 14, 6. 17, 15, срв. Иса.
66, 18. Дан. 3, 4. 5, 19. Іуд. 3, 8),—и 3) наконецъ, у
позднѣйшихъ писателей *γλῶσσαι, γλωσσήματα*, какъ
terminus technicus, обозначаютъ неупотребительныя, по-
этическія, темныя выраженія, провинціализмы, идиотизмы.

Каждая теорія и гипотеза глоссолаліи примыкаетъ къ тому или иному значенію слова *γλῶσσα*; поэтому, не смотря на варіаціи въ частностяхъ, есть собственно три теоріи или гипотезы глоссолалій, три попытки разрѣшить эту тайну сфинкса для о. Θивейскаго, которая „до настоящаго времени не разрѣшена и не будетъ разрѣшена удовлетворительно, если только не будутъ открыты новыя документы, проливающіе свѣтъ и на данный предметъ“.

А. Когда слово *γλῶσσα* переводятъ нѣмецкимъ Zunge, то даръ языковъ понимаютъ, такъ сказать, фізіологически, въ томъ смыслѣ, что *γλῶσση λαλεῖν* есть рѣчь *только языкомъ*, приче́мъ *νοῦς* (или *воля* или центральная нервная система) въ состояніи глоссолаліи перестаетъ функционировать, и исключительно только языкъ приводится въ движеніе сверхъестественнымъ воздѣйствіемъ Духа (*lediglich die Zunge ist durch den übernatürlichen Motor des Geistes in Bewegung gesetzt*); Духъ пользуется человѣкомъ, именно языкомъ человѣка, какъ безвольнымъ органомъ, чтобы проявиться во внѣ (*als willenloses Organ seiner Äusserungen benutzt*). Впервые эту гипотезу глоссолаліи предложилъ Bardili. Послѣ него её защищали Eichhorn, Neander, Wieseler, K. Schmidt, Meyer, Schulz etc., въ новѣйшее время Holsten. По существу ея же держится и Feine. Holsten утверждаетъ: „если *νοῦς* не участвовалъ въ глоссолаліи, но *πνεῦμα* приводилъ въ движеніе въ человѣкѣ только механизмъ его рѣчи, прежде всего языкъ, то справедливо такую рѣчь называютъ *γλῶσση λαλεῖν*, *говорить языкомъ, но не сознательно* (*mit Zunge, nicht mit Bewusstsein*). Въ этой формулѣ прежде всего нашло свое ясное, характерное выраженіе различіе безсознательной формы рѣчи *πνεῦμα* (духа) отъ вполне сознательной. Въ такомъ смыслѣ (*und so*) пользовался и опредѣлилъ выраженіе Павелъ“: „въ церкви хочу пять словесъ

умомъ моимъ (*τῷ νοῦ μου*) глаголати... нежели тмы словесъ языкомъ“ (*ἐν γλώσσῃ*,—1 Кор. 14, 19). Feine добавляетъ, что эта рѣчь языкомъ „была экстатической рѣчью, которая отъ воздыханій, стонотъ, ликованія, криковъ, лепетанія могла переходить въ безсвязныя и необычныя слова (въ родѣ: авва, осанна, аллилуія, маранаѳа) и въ связную рѣчь изъ странныхъ восторженныхъ словъ (in seltsam klingenden jubelnden Worten), которыя производили впечатлѣнiе восторженной молитвы и псалмодическаго славословія Бога“. Совершенно естественно, что защитники такой теоріи глоссолаліи находятъ явленія и параллели „формально родственныя“ дару языковъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, именно въ явленіяхъ, виновникомъ которыхъ былъ или Духъ Божій, или злой духъ (бѣснованіе, вдохновеніе) и которыя выражались въ экзальтированныхъ, восторженныхъ движеніяхъ и въ экзальтированныхъ, экстатическихъ рѣчахъ (срв. Числ. 11, 25--30. 1 Цар. 10, 6. 10. 18, 10. 19, 19--24. Іер. 29, 26. 4 Цар. 9, 11: „неистовый“ о пророческомъ ученикѣ. 1 Цар. 18, 28 сл.; исторію Валаама, Числ. 23, 5 слл. 16 слл. 24, 2 слл.), и въ греко-римскомъ мірѣ, именно въ Θракійскомъ оргіастическомъ культѣ Діониса и чрезъ его посредство въ Греціи: глоссолалъ, оказывается, подобенъ дельфійской Пифіи, которая, сидя на своемъ треножникѣ, въ экстазѣ произносила никому непонятныя слова и обрывки мыслей... А такъ какъ далѣе ни рассказъ св. Луки, ни заключеніе евангелія Марка не укладываются въ рамки *γλῶσσα*—Zunge, то вполне понятно, что, допустивъ такое отождествленіе, отвергаютъ подлинность заключенія евангелія Марка и считаютъ легендой рассказъ св. Луки, утверждая, что повѣствованіе автора книги Дѣяній о бывшемъ въ Пятидесятницу въ настоящей его редакціи, въ смыслѣ чуда языковъ, есть позднѣйшая переработка и что будто бы перво-

начально Дѣянiя о глоссолалiи въ Пятидесятницу сообщали не больше того, что мы знаемъ о ней отъ Ап. Павла.

Въ русской литературѣ видоизмѣненiе только что изложенной гипотезы глоссолалiи далъ свящ. М. Ѳивейскiй въ упомянутой своей работѣ. О. Ѳивейскiй не отрицаетъ подлинности заключенiя евангелiя Марка, въ повѣствованiи св. Луки видитъ не легенду, а рассказъ о событiи, которое „носило на себѣ чудесный характеръ“; не признаетъ состоянiе глоссолала экстатическимъ, но полагая, что „формулы *γλῶσσαις* или *γλῶσση*, *ἐν γλῶσση* и проч. *λαλεῖν* означаютъ просто—звучать при помощи языка, или какого-либо другого голосового органа“, „что для обозначенiя глоссолалическихъ явленiй ап. Павелъ пользуется музыкально—гимнологическими терминами“, а эти „термины могли прежде всего и служить для обозначенiя музыкально—гимнологическихъ явленiй“, онъ считаетъ глоссолалiю „однимъ изъ видовъ такого рода явленiй“ и сущность этого дара св. Духа уясняетъ такъ. „Допустимъ, говоритъ онъ, что какую-нибудь философскую лекцiю, прекрасно изложенную, хорошо произносимую и вполнѣ понятную для насъ, слушаетъ какой—нибудь пятилѣтнiй ребенокъ. Для него эта лекцiя будетъ совершенно непонятна. Такимъ образомъ то, что для взрослыхъ и получившихъ философскую подготовку людей не бываетъ глоссолалiей, для малолѣтняго ребенка *то же* самое вполнѣ *глоссолалiя*.“ Латинское богослуженiе въ римско-католической церкви, „вполнѣ понятное для католическихъ пасторовъ“. не будетъ для нихъ глоссолалiей, но непонятное для незнающихъ латинскаго языка присутствующихъ и молящихся въ костелѣ оно „представляется вполнѣ глоссолалiей“. „Какой-нибудь изъ нашихъ русскихъ чтецовъ, читающiй невнятно и плохо среди собравшагося въ храмъ простого

народа какія—нибудь незнакомыя пареміи или каѳизмы“—тоже глоссолалъ. Конечно, такое чтеніе да еще „незнакомыхъ паремій или каѳизмъ“ не принесетъ слушателямъ никакой пользы. Чтобы сдѣлать свою рѣчь понятной, слѣдовательно и полезной для Церкви, глоссолалъ долженъ имѣть еще даръ истолкованія, который, по Апостолу, необходимъ, чтобы передать, сдѣлать понятной для слушателей рѣчь глоссолала. „Священнослужитель“, продолжаетъ нашъ авторъ, „который произноситъ возгласы или молитвы такъ, что никакихъ словъ разобрать невозможно, есть въ полномъ смыслѣ и по отношенію ко многимъ, присутствующимъ при богослуженіи, „говорящій языкомъ“,—и ему нужно молиться, чтобы рѣчь его сдѣлалась понятною“. Необходимость дара истолкованія при дарѣ языковъ особенно очевидна, если вникнуть въ смыслъ наставленія Апостола: „если кто говоритъ на (незнакомомъ) языкѣ, говорите двое, или много трое, и то порознь, а одинъ изъясняй“ (I Кор. 14, 27). „Вообразимъ, объясняетъ это наставленіе о. Оивейскій, какой-нибудь парадный обѣдъ, гдѣ участвуетъ множество разныхъ лицъ... Если (за этимъ обѣдомъ) говорятъ многіе, такъ что поднимается общій шумъ, въ которомъ нельзя слышать или понять отдѣльныхъ словъ, то это будетъ *глоссолалія*. Но въ скромныхъ собраніяхъ... обыкновенно... разговариваютъ только сосѣди, или же сидящіе по сторонамъ одного лица двое или *самое большее* (?) трое людей переговариваются между собою, при чемъ если кто-нибудь чего-нибудь недослышитъ, то сидящій въ серединѣ повторяетъ или объясняетъ сказанное своимъ сосѣдямъ. Вотъ къ этому послѣднему случаю, повидимому, съ полною точностью и могли бы быть приложены слова Апостола: (говорите) „по двое или самое большее по трое“... Мы, конечно, не можемъ опредѣлить въ точности,

что именно и какъ происходило въ коринѣскихъ собраніяхъ и было ли тамошнее говореніе похоже на то, которое происходитъ на нашихъ парадныхъ обѣдахъ... Однако, можемъ думать, что что-то такое подобное было и тамъ“... Приведенныхъ чертъ, кажется, болѣе чѣмъ достаточно для обрисовки глоссолалической теоріи о. Ѳивейскаго. Мы не преувеличили, не сгустили красокъ. Слово принадлежало самому о. Ѳивейскому, и справедливость нашей характеристики его теоріи онъ самъ подтверждаетъ, когда замѣчаетъ: „Мы обращаемся къ сомнительнымъ объясненіямъ глоссолаліи при помощи иностранныхъ языковъ или нелѣпыхъ разсужденій объ экстагическомъ состояніи глоссолалистовъ, объ ихъ бессмысленныхъ выкрикиваніяхъ разныхъ отрывочныхъ звуковъ, и при этомъ вовсе не замѣчаемъ, что глоссолалія, такъ сказать, разлита вокругъ насъ, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, составляетъ особенно въ Церкви самое обычное явленіе, существовавшее въ ней во всѣ вѣка.“

Вотъ какъ все просто и ясно... Правда, немного странно сначала заявить, что, „по несомнѣнному свидѣтельству апостола“, даръ языковъ и даръ истолкованія—чудесные и чрезвычайные дары Св. Духа, а потомъ объяснить, что чудесный даръ языковъ лишь бормотаніе сельскаго дьячка, а чудесный даръ истолкованія—свыше, по особой молитвѣ, даруемая священнослужителю способность „читать не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“... Это, конечно, довольно своеобразное представленіе о Св. Духѣ и Его чрезвычайныхъ дарахъ, но можно вѣдь увлечься и забыть, что пишешь о чудесныхъ дарахъ Св. Духа...

Детальный разборъ теоріи нашего автора не нуженъ: она такъ „оригинальна“, что per se свидѣтельствуетъ о сво-